

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА NOVUS LEX

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.169.12.145-155

Д. А. Мелешко*

Склонение к самоубийству или содействие его совершению: вопросы дифференциации ответственности и квалификации

Аннотация. В статье анализируется норма об уголовной ответственности за склонение к самоубийству и содействие его совершению (ст. 110.1), включенная в УК РФ в связи с активизацией деятельности «групп смерти» в социальных сетях. Особое внимание автор уделяет вопросам дифференциации ответственности, ставя под сомнение целесообразность закрепления в ч. 1–3 данной статьи формальных составов преступлений, предусматривающих ответственность за «нерезультативное» склонение к самоубийству и содействие его совершению.

Подробно анализируется соотношение общественной опасности склонения к самоубийству и содействия его совершению. Приводятся примеры квалификации указанных деяний по совокупности, когда их совершение не влечет самоубийство потерпевшего или его попытку, подчеркивается искусственный характер такой совокупности. Автор приходит к выводу о необходимости отказа от дробления взаимосвязанных действий — склонения к самоубийству и содействия его совершению — на два самостоятельных состава преступления в ч. 1 и 2 статьи. В качестве дискуссионного исследуется вопрос отграничения анализируемых деяний от доведения до самоубийства, доказываемая обоснованность законодательного решения о признании их более общественно опасными. Отдельное рассмотрение в статье получает вопрос о характере детерминирующей связи в составе «результативного» склонения к самоубийству и содействия его совершению. Вопреки традиционным воззрениям, отмечается, что действия склоняющего или содействующего лица выступают необходимым (обязательным) условием совершения самоубийства, то есть находятся с ним в обуславливающей связи, а не в причинно-следственной. При рассмотрении вопросов квалификации автор раскрывает содержание понятия «покушение на самоубийство», критически оценивая при этом предложения о его замене на «попытку самоубийства». Обозначаются неочевидные признаки анализируемых преступлений (адресность и специальная цель), позволяющие отграничить их от уголовно ненаказуемых деяний. В завершение формулируются предложения по изменению уголовно-правовой нормы.

Ключевые слова: самоубийство; суицид; лишение жизни; причинение смерти; склонение; содействие; доведение; покушение на самоубийство; дифференциация ответственности; проблемы квалификации; группы смерти.

Для цитирования: Мелешко Д. А. Склонение к самоубийству или содействие его совершению: вопросы дифференциации ответственности и квалификации // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 12. — С. 145–155. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.169.12.145-155.

© Мелешко Д. А., 2020

* Мелешко Денис Анатольевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
dmeleshko91@mail.ru

Inducing or Facilitating Suicide: Issues of Differentiation of Responsibility and Classification

Denis A. Meleshko, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer of the Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
dmeleshko91@mail.ru

Abstract. The paper analyzes the norm on criminal responsibility for inducing and facilitating suicide (article 110.1), included in the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the expansion of "death groups" in social networks. The author pays special attention to the issues of differentiation of responsibility, calling into question the expediency of fixing in part 1-3 of this article the formal elements of crimes that provide for responsibility for "ineffective" inducement to suicide and assistance in its commission.

The ratio between the public danger of inducing suicide and facilitating its commission is analyzed in detail. The author provides examples of the classification of these acts in the aggregate, when their commission does not entail the suicide of the victim or his attempt, and emphasizes the artificial nature of such a combination. The author concludes that it is necessary to refrain from splitting interrelated acts, i.e. inducing suicide and facilitating its commission, into two separate elements of the crime in parts 1 and 2 of the article. As a matter of discussion, the author examines the issue of distinguishing the analyzed acts from inducing them to suicide, and proves the validity of the legislative decision to recognize them as more socially dangerous. A separate consideration in the paper is given to the question of the nature of the determinative relationship in the elements of the "effective" inducement to suicide and assistance in its commission. Contrary to traditional views, it is noted that the acts of the inducing or facilitating a person are a necessary (mandatory) condition for committing suicide, that is, they are in a conditional relationship with it, and not in a causal relationship. When considering the issues of classification, the author reveals the content of the concept of "attempted suicide", while critically evaluating proposals to replace it with a "suicide attempt". Non-obvious elements of the analyzed crimes are indicated (targeting and special purpose), which allow distinguishing them from non-criminal acts. Finally, proposals are formulated to change the criminal law norm.

Keywords: suicide; deprivation of life; causing death; inducement; assistance; bringing; attempted suicide; differentiation of responsibility; problems of classification; groups of death.

Cite as: Meleshko DA. Sklonenie k samoubiystvu ili sodeystvie ego soversheniyu: voprosy differentsiatsii otvetstvennosti i kvalifikatsii [Inducing or Facilitating Suicide: Issues of Differentiation of Responsibility and Classification]. *Lex russica*. 2020;73(12):145-155. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.169.12.145-155. (In Russ., abstract in Eng.).

С момента включения в УК РФ статьи 110.1, предусматривающей ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства, прошло чуть более трех лет. Не секрет, что разработка данной нормы велась в крайне сжатые сроки: в ноябре 2016 г. с целью подготовки законопроекта была создана межведомственная рабочая группа, а уже в июне 2017 г. соответствующий федеральный закон был подписан Президентом Российской Федерации¹. Столь спешное внесение изменений в уголовное законодательство было обусловлено появлением и стремительным распространением в соци-

альных сетях так называемых «групп смерти». Модераторы этих групп склоняли несовершеннолетних — участников групп к нанесению себе различных увечий, участию в смертельных играх и иному суицидальному поведению, в результате чего только за полгода (с ноября 2015 г. по апрель 2016 г.) с собой покончили около 130 подростков².

Несмотря на широкий общественный резонанс и повышенное внимание к норме в процессе ее разработки, нельзя сказать, что статья 110.1 УК РФ оказалась крайне востребованной у правоприменителя. Так, за время существования уголовно-правового запрета

¹ Федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // Российская газета. 2017. 9 июня.

² См. подробнее: Мурсалиева Г. Группы смерти // Новая газета. 2016. 16 мая.

на склонение к самоубийству и содействие совершению самоубийства к ответственности за его нарушение было привлечено всего 9 лиц (в 2017 г. — 0; в 2018 г. — 4; в 2019 г. — 5)³. Не углубляясь в причины столь скромных показателей, отметим, что технико-юридические просчеты, допущенные при конструировании указанной нормы, не лучшим образом сказываются на эффективности ее применения. В настоящей статье постараемся последовательно изложить свои соображения по некоторым из них, затрагивая при этом и отдельные вопросы квалификации анализируемых деяний.

Весьма оригинальной представляется сама конструкция ст. 110.1 УК РФ. Части 1 и 2 статьи закрепляют самостоятельные составы преступлений: это «нерезультативное» склонение к совершению самоубийства и «нерезультативное» содействие совершению самоубийства (деяния, которые не влекут самоубийство потерпевшего или покушение на самоубийство). В частях с 3 по 6 статьи указанные составы теряют свою самостоятельность, поскольку выступают альтернативными признаками квалифицированных составов преступлений. И если в ч. 1–3 составы преступлений сформулированы по типу формальных и предусматривают ответственность за «нерезультативные» деяния, то в ч. 4–6 статьи содержатся уже материальные составы с «результативными» деяниями, ответственность за совершение которых наступает при условии самоубийства суицидента или покушения на его совершение.

1. Первый вопрос: насколько оправданно закрепление в ст. 110.1 УК РФ формальных составов преступлений в условиях существования дублирующих материальных составов? Вполне очевидно, что «нерезультативное» склонение к самоубийству или содействие его совершению при отсутствии ч. 1–3 могло бы квалифицироваться в качестве покушения на «результативное» преступление. Условно говоря, ответственность при этом наступала бы по ч. 3 ст. 30 и ч. 4 ст. 110.1, поскольку лицо совершило умышленные действия (бездействие), непосредственно направленные на совершение преступления, однако потерпевший не осуществил самоубийство или его попытку по не зависящим от этого лица обстоятельствам.

Как правило, законодатель прибегает к выбору формальной конструкции состава в нескольких случаях. Во-первых, это трудность процессуального доказывания факта наступления общественно опасных последствий противоправного поведения, их возможное многообразие и непредсказуемость. Во-вторых, это достаточно высокая общественная опасность самих противоправных действий (бездействия), вне зависимости от факта наступления или ненаступления последствий деяния, как это имеет место, к примеру, в составе разбоя. Однако ни один из указанных факторов в полной мере не объясняет необходимость конструирования формальных составов преступлений при установлении уголовной ответственности за склонение к самоубийству и содействие его совершению.

Остается полагать, что законодатель в рассматриваемом случае исходил из превентивной функции уголовного закона. Как отмечал В. Н. Кудрявцев, «уголовные законы создаются не только для юристов. Они имеют воспитательное и предупредительное значение. Простой и понятный текст закона, устанавливающего ответственность за конкретные действия, смысл которых ясен для любого гражданина, имеет важное профилактическое значение»⁴. Весомую роль, по-видимому, сыграла и простота квалификации «нерезультативного» склонения к самоубийству и содействия его совершению по самостоятельным частям статьи без дополнительных ссылок на положения Общей части УК РФ о неоконченном преступлении. В условиях нарастающей суицидальной угрозы попросту отсутствовало время на разъяснение правоприменителю возможности квалификации деяний, не повлекших самоубийства жертвы или его попытку, со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ.

Другой вопрос, почему наличие формальных составов преступлений с их упреждающим воздействием негативно сказывается на общем охранительном потенциале ст. 110.1 УК РФ? Дело в том, что санкции за «нерезультативное» склонение к самоубийству и содействие его совершению сформулированы без учета положений общей части уголовного закона о соотношении наказаний за оконченное и неоконченное преступление. Так, по ч. 1 и 2 ст. 110.1 УК РФ мак-

³ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 19.06.2020).

⁴ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 217.

симальный срок наказания в виде лишения свободы составляет 2 и 3 года соответственно, тогда как по ч. 4 — 10 лет. В соответствии же с ч. 3 ст. 66 УК РФ, срок или размер наказания за покушение на преступление не может превышать 3/4 максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ за оконченное преступление.

Из этого следует, что наказание по ч. 1 и 2 ст. 110.1 УК РФ более чем в 3 и в 2 раза меньше того наказания, которое могло бы быть назначено за покушение на «результативное» деяние по ч. 3 ст. 30 и ч. 4 ст. 110.1 УК РФ (7 лет и 6 месяцев лишения свободы). Иными словами, специальный случай покушения на преступление наказывается гораздо менее строго, чем наказывалось бы покушение по общему правилу. Думается, что приведенные обстоятельства должны были быть учтены при конструировании составов преступлений в ст. 110.1 УК РФ.

2. Сопоставление санкций ч. 1 и 2 ст. 110.1 УК РФ свидетельствует о различной законодательной оценке общественной опасности склонения к совершению самоубийства и содействия его совершению, если указанные действия не влекут наступления общественно опасных последствий. Как уже отмечалось, виновному в «нерезультативном» склонении к совершению самоубийства может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок до 2 лет, в то время как «нерезультативное» содействие самоубийству наказывается 3 годами лишения свободы. Полагаем, что такое пенализационное решение не имеет под собой достаточных оснований.

Прежде всего следует обратиться к содержательной стороне деяний. Вне зависимости от целевой направленности, всякое склонение направлено на внушение человеку мысли о желательности или необходимости совершить какое-либо действие⁵. Соответственно, содержание склонения к самоубийству заключается в порождении у потенциального суицидента желания покончить с собой, в привитии ему идеи уйти из жизни. Вполне можно говорить о том, что склонение к самоубийству фактически

выступает «первопричиной совершения суицидальных действий»⁶. В отличие от этого при содействии самоубийству мысли о лишении себя жизни зарождаются в сознании жертвы помимо воли виновного. Роль преступника в таком случае сводится к оказанию помощи в реализации уже имеющегося суицидального намерения. Пожалуй, именно это обстоятельство должно быть положено в основу решения рассматриваемого вопроса, что приводит к выводу о большей общественной опасности все-таки склонения к самоубийству, а не содействия его совершению.

Здесь же следует обратить внимание на разительное сходство анализируемых деяний с соучастием в преступлении, в частности с подстрекательством и пособничеством. Очевидно, что их общими чертами является не только форма, проявляющаяся в способах совершения, но и сущность соответствующих действий, заключающаяся в совместном совершении самоубийства — в первом случае и умышленного преступления — во втором случае. Между тем применительно к соучастию в преступлении не вызывает сомнения большая вредоносность подстрекательских действий в сравнении с действиями пособническими. Основным аргументом при этом выступает факт того, что «пособник, укрепляя у исполнителя решимость совершить преступление, не порождает причинную связь, а лишь способствует ее развитию»⁷. Нормативное же подтверждение такого соотношения общественной опасности действий подстрекателя и пособника можно наблюдать на примере правил добровольного отказа от преступления для различных видов соучастников, регламентированных в ч. 4 ст. 31 УК РФ, где к подстрекателю предъявляются более строгие требования для освобождения его от уголовной ответственности, чем к пособнику.

Изложенное еще раз подтверждает, что, вопреки законодательной оценке, склонение к совершению самоубийства (ч. 1 ст. 110.1 УК РФ) представляет большую опасность, чем содействие совершению самоубийства (ч. 2 ст. 110.1 УК РФ). Однако, на наш взгляд, эта разница не столь значительна, чтобы обуславливать диф-

⁵ См.: Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург, 1999. С. 126.

⁶ Филиппова С. В. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 104.

⁷ Шеслер А. В. Перспективы совершенствования уголовно-правовых норм о соучастии в преступлении // Lex russica. 2015. № 6. С. 37.

ференциацию ответственности виновных лиц. Поэтому все же излишне предусматривать за одно из этих «нерезультативных» деяний более строгое наказание. Вполне достаточно было бы закрепить склонение к самоубийству и содействие его совершению в качестве альтернативных признаков одного сложного состава преступления. Как отмечает Т. Д. Устинова, подобный прием позволил бы избирать для каждого преступника индивидуально определенную квалификацию и наказание⁸.

Впрочем, именно такой подход реализован законодателем в ч. 4 ст. 110.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за «результативное» склонение к самоубийству или содействие его совершению. В этом материальном составе общественная опасность анализируемых действий приравнена посредством придания им статуса альтернативных признаков. При этом у правоприменителя всегда остается возможность индивидуализировать наказание виновному в рамках относительно-определенной санкции.

3. Наличие в ст. 110.1 УК РФ одновременно простых и альтернативных составов преступлений неожиданным образом сказывается на уголовно-правовой оценке склонения к самоубийству и содействия его совершению, когда они осуществлены в отношении одного и того же потерпевшего.

Как правило, преступник не только склоняет жертву к самоубийству, но и впоследствии помогает ей в реализации суицидальных намерений, рассказывает о способах лишения себя жизни, предоставляет для этого средства и орудия, «поддерживает» морально, укрепляя тем самым желание покончить с собой. Несмотря на то что виновный при этом преследует единую цель, его действия будут образовывать реальную совокупность преступлений в случае, если они не привели к самоубийству потерпевшего или хотя бы к его попытке. «Даже если предположить, что у виновного первоначально не было в мыслях содействовать уходу из жизни и он стал оказывать его только по просьбе потерпевшего и спустя определенное время после склонения (обычно при этом говорят, что возник новый умысел), вряд ли целесообразно вменять два преступления»⁹. Тем не менее ква-

лификация таких действий будет происходить по ч. 1 ст. 110.1 и ч. 2 ст. 110.1 УК РФ, поскольку каждое из совершенных «нерезультативных» деяний представляет собой самостоятельный состав преступления. Изложенное еще раз заставляет задуматься об оправданности законодательного решения о разделении склонения к самоубийству и содействия его совершению на ч. 1 и 2 ст. 110.1 УК РФ.

Вместе с тем совершение тех же действий, то есть последовательного склонения к самоубийству и содействия его совершению, но повлекших самоубийство потерпевшего или покушение на самоубийство, охватываются одним составом преступления, предусмотренным ч. 4 ст. 110.1 УК РФ, и не образуют совокупности преступлений. Сразу отметим, что союз «или», используемый в диспозиции ч. 4 анализируемой статьи, в этом случае обладает не раздельным, а присоединительным значением, указывая на вариативность деяний, образующих объективную сторону состава сложного единичного преступления. Аналогичный технико-юридический прием используется законодателем в большинстве альтернативных составов преступлений, в том числе в ст. 205, 222 и 228 УК РФ.

В целом же закрепление таких действий, как склонение к самоубийству и содействие его совершению, в ч. 4–6 ст. 110.1 УК РФ в качестве альтернативных признаков состава видится обоснованным решением, соответствующим правилам юридической техники в сфере уголовного нормотворчества. Как отмечают К. В. Ображиев и Д. С. Чикин, конструирование подобных составов целесообразно в случаях, когда посягательство на определенный объект уголовно-правовой охраны может быть совершено несколькими, как правило, взаимосвязанными деяниями, существенно не отличающимися по степени общественной опасности¹⁰, что мы и наблюдаем на примере анализируемых норм.

4. В контексте рассматриваемых вопросов нельзя не заметить, что общественная опасность действий по склонению к самоубийству и содействию его совершению приравнивается не только в случае осуществления жертвой самоубийства или его попытки (ч. 4 ст. 110.1 УК РФ), но и при наличии иных квалифициру-

⁸ Устинова Т. Д. Склонение к самоубийству или содействие самоубийству: критический анализ // Lex russica. 2020. № 3. С. 153.

⁹ Устинова Т. Д. Указ. соч. С. 153.

¹⁰ См., например: Ображиев К. В., Чикин Д. С. Сложные единичные преступления. М., 2016. С. 109, 110.

ющих обстоятельств, не связанных с наступлением общественно опасных последствий (ч. 3 ст. 110.1 УК РФ). Казалось бы, ничего удивительного, если не обращать внимание на санкцию соответствующей нормы и не рассматривать ее через призму наказуемости не квалифицированных деяний, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 110.1 УК РФ.

Дело в том, что совокупность не квалифицированного склонения к самоубийству и содействия его совершению наказывается строже, чем те же деяния, отягощенные одним из квалифицирующих обстоятельств, перечисленных в ч. 3 ст. 110.1 УК РФ. К примеру, при склонении Иванова к самоубийству и последующем содействии ему в причинении себе смерти максимальное наказание для Петрова по совокупности ч. 1 и 2 ст. 110.1 УК РФ может составлять с учетом положений ч. 2 ст. 69 УК РФ 4 года и 6 месяцев лишения свободы. Если же Иванов является несовершеннолетним (п. «а» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ) или, допустим, указанные действия совершаются в сети «Интернет» (п. «д» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ), верхний предел наказания для Петрова по ч. 3 органичен лишь 4 годами лишения свободы, что, конечно, несправедливо. Налицо еще одно свидетельство искусственного дробления взаимосвязанных действий на 2 самостоятельных состава преступления в ч. 1 и 2 ст. 110.1 УК РФ.

5. Множество вопросов вызывает соотношение склонения к самоубийству и содействия его совершению с составом доведения до самоубийства, предусмотренным ст. 110 УК РФ. Эти преступления являются смежными: в обоих случаях виновное лицо совершает действия, обуславливающие в той или иной форме самоубийство потерпевшего. Вместе с тем «результативное» склонение к самоубийству и содействие его совершению признаны законодателем более общественно опасными, чем доведение до самоубийства. Так, максимальное наказание по ч. 4 ст. 110.1 УК РФ может составлять 10 лет лишения свободы, тогда как по ч. 1 ст. 110 УК РФ — 6 лет. Обоснованна ли такая дифференциация?

В основе критических оценок лежат суждения о большей общественной опасности способов доведения до самоубийства¹¹. В самом деле, в отличие от склонения к самоубийству и содействия его совершению, осуществляемых «мягкими» способами (уговорами, предложениями, подкупом, советами, предоставлением информации и т.д.), доведение до самоубийства предполагает насильственное воздействие на потерпевшего (угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства). «Однако нельзя забывать, что перечень способов, закрепленных в ч. 1 ст. 110.1 УК РФ, является открытым, что не исключает возможности использования различных приемов физического и психологического прессинга не только в процессе доведения до самоубийства, но и при склонении к его совершению», — справедливо оппонирует С. В. Филиппова¹².

В поддержку последнего тезиса позволим себе не согласиться с весьма распространенным мнением о недопустимости совершения склонения к самоубийству способами, закрепленными в диспозиции ч. 1 статьи 110 УК РФ¹³. Надо сказать, что акцент в ст. 110.1 УК РФ на «отсутствие признаков доведения до самоубийства» вовсе не означает, что склонение исключает угрозы, жестокое обращение и систематическое унижение человеческого достоинства. Законодательная оговорка в рассматриваемом случае, на наш взгляд, относится не столько к способам доведения до самоубийства, сколько к содержанию деяния в целом.

Что из себя представляет доведение до самоубийства? Это создание невыносимых условий для дальнейшей жизни потерпевшего, приведение его в состояние безысходности, предпочтительным выходом из которого он избирает смерть. Доведение, таким образом, не предполагает очевидность намерений преступника. Смысл же склонения к самоубийству и содействия его совершению заключается в прямом и открытом обсуждении с потенциальным суицидентом идеи ухода из жизни, навязывании ему этой идеи, оказании помощи в ее реализации.

¹¹ См., например: Круковский В. Е., Мосечкин И. Н. Уголовно-правовые проблемы противодействия деятельности, направленной на побуждение к совершению убийств и самоубийств // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 201, 202 ; Авешникова А. А. Об уголовной ответственности за склонение несовершеннолетних к самоубийству // Российский следователь. 2019. № 1. С. 35.

¹² Филиппова С. В. Указ. соч. С. 40, 41.

¹³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Университет прокуратуры Российской Федерации; под общ. ред. О. С. Капинус ; науч. ред. В. В. Меркурьев. М. : Проспект, 2018. С. 387 ; Устинова Т. Д. Указ. соч. С. 154.

Думается, именно в этом заключается основное отличие. Важно понять, что способы совершения указанных деяний лишь конкретизируют, дополняют и насыщают объективную сторону преступлений, но никак не формируют их суть.

С учетом изложенного обоснованность решения об установлении за склонение к самоубийству и содействие его совершению (ч. 4 ст. 110.1 УК РФ) более строгого наказания в сравнении с доведением до самоубийства (ч. 1 ст. 110 УК РФ) уже не вызывает сомнений. Вполне логично, что открытые действия по склонению к самоубийству представляют большую общественную опасность, чем завуалированное доведение до него.

Показательной в этом плане является ситуация, отраженная в приговоре одного из районных судов Республики Татарстан в 2012 г.¹⁴ Из обстоятельств дела следует, что отец на протяжении года систематически избивал свою несовершеннолетнюю дочь Л., высказывал ей угрозы и оскорбления. В ходе последнего конфликта он обратился к ней со словами: «Если тебе что-то не нравится, то можешь пойти повеситься». В результате этих действий потерпевшая покончила жизнь самоубийством через повешение.

В 2012 г. виновный был осужден за совершение преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, то есть за доведение до самоубийства. Конечно, оценивая содеянное в соответствии с действующим законодательством, необходимо вести речь о склонении к самоубийству, повлекшем самоубийство несовершеннолетнего (ч. 5 ст. 110.1 УК РФ). Однако интересно другое: в приведенном примере доведение до самоубийства фактически переросло в склонение к самоубийству. Произошло это в тот момент, когда отец открыто предложил дочери покончить с собой. Вряд ли можно подвергнуть сомнению факт того, что такое предложение в значительной степени повысило общественную опасность совершаемых виновным действий.

6. Научный и практический интерес представляет вопрос о характере детерминирующей

связи в «результативных» составах склонения к самоубийству и содействия его совершению, а также о моменте их окончания. Как известно, традиционные воззрения на объективную сторону состава преступления требуют от правоприменителя установления прямой причинно-следственной связи при квалификации всякого уголовно наказуемого деяния, обладающего материальной конструкцией состава. Настолько ли неизбежно это правило?

Для обладания свойствами причины действие или бездействие должно, во-первых, являться обязательным для наступления общественно опасного последствия, а во-вторых, быть достаточным для его наступления. Очевидно, что самого по себе склонения к самоубийству или содействия его совершению еще недостаточно для осуществления суицида, поскольку окончательное решение потерпевший принимает лично. Именно его действия являются непосредственной причиной самоубийства. В свою очередь, действия склоняющего или содействующего лица выступают необходимым (обязательным) условием наступления этих последствий, то есть находятся с ним в обуславливающей связи, а не в причинно-следственной.

Обнаружение такой разновидности детерминации не должно настораживать: аналогичная связь имеет место между действиями сложных соучастников (организатора, подстрекателя и пособника) и совершением преступления исполнителем, что не является препятствием для квалификации их действий в качестве преступных. Помимо этого, связь обуславливания встречается в неосторожных преступлениях¹⁵. Так, Верховный Суд РФ, оценивая законность привлечения лица к уголовной ответственности за неосторожное причинение смерти, прямо указал, что по смыслу положений ч. 2 ст. 109 УК РФ несовершение необходимого действия либо совершение запрещаемого действия должно быть обязательным условием наступившего последствия, то есть таким условием, устранение которого (или отсутствие которого) предупреждает последствие¹⁶.

¹⁴ Приговор Актанышского районного суда Республики Татарстан от 02.02.2012 в отношении Мухаметянова // Официальный сайт Актанышского районного суда Республики Татарстан. URL: <http://aktanyshsky.tat.sudrf.ru> (дата обращения: 23.06.2020).

¹⁵ См. подробнее: Пудовочкин Ю. Е. Учение о составе преступления. М., 2009. С. 112; Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности. М., 2003. С. 8; Радов В. В. Причинная связь при бездействии в ятрогенных преступлениях // Вопросы российской юстиции. 2020. № 5. С. 515–526.

¹⁶ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 03.03.2015 № 13-УД15-1 // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2015).

В науке и на практике этот вид детерминации часто именуется не обуславливающей связью, а «опосредованной» или «косвенной», но все же причинно-следственной, что объяснимо, по-видимому, большей распространенностью этих определений¹⁷. К слову, Верховный Суд РФ в одном из своих решений отметил: «Закон не содержит указания на то, что должна быть только прямая причинная связь»¹⁸. По существу, в подобных случаях происходит подмена теоретического понятия обуславливающей связи сочетанием слов, где к причинно-следственной связи как традиционному признаку состава присоединяется прилагательное, отражающее второстепенный характер этой связи.

Однако установление действительно прямой причинно-следственной связи между действиями (бездействием) преступника и наступившими трагическими последствиями в делах рассматриваемой категории должно свидетельствовать о состоявшемся убийстве. В отличие от склонения к самоубийству или содействия его совершению, повлекшего лишение суицидентом себя жизни, в составе убийства смерть потерпевшему причиняется руками виновного, поэтому его действия находятся в прямой причинной связи с общественно опасными последствиями.

С учетом этого спорным представляется уголовно-правовая оценка, отраженная в одном из решений Верховного Суда РСФСР. Из обстоятельств дела следует, что осужденный Косогов с целью избавления от алиментов подговорил беременную от него Муратову покончить с собой, пообещав, что совершит самоубийство вместе с ней. «Когда Муратова повесилась первая, обвиняемый Косогов вешаться не стал, считая поступок ее “дурацким” и даже уклонился от дачи помощи для спасения ее жизни — отбросил руку покойной, которая после повешения схватила его, прося тем самым помощи о спасении жизни, но он не только не помог ей освободиться от петли, но еще сказал: “так вашего брата и учат”. Высшая судебная инстанция признала, что “все обстоятельства <...> свидетельствуют об учинении Косоговым умышленного, с заранее обдуманном намерением, убийства Муратовой из низменных побуждений, путем подговора ее к самоубийству

с обещанием повеситься вместе с ней, с созданием соответствующей обстановки для проведения задуманного в исполнение, каковое деяние содержит все признаки преступления, предусмотренного статьей 136 УК (*умышленное убийство. — Д. М.*)»¹⁹.

В приведенном казусе причиной наступления смерти Муратовой явились осознанные действия самой потерпевшей, что, конечно, должно исключать наличие в содеянном составе умышленного причинения смерти другому человеку. Действия осужденного здесь выступают обязательным условием совершения самоубийства и, если бы они были совершены в современных условиях, то в соответствии с УК РФ образовывали бы состав преступления, предусмотренный ч. 5 ст. 110.1, то есть склонение к совершению самоубийства путем обмана при отсутствии признаков доведения до самоубийства, повлекшее самоубийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности.

Резюмируя изложенное, следует заключить, что склонение к самоубийству или содействие его совершению может квалифицироваться по ч. 4 ст. 110.1 УК РФ лишь тогда, когда действия (бездействие) виновного являлись необходимым условием самоубийства потерпевшего или его попытки.

7. Моментом окончания «результативного» склонения к самоубийству или содействия его совершению, регламентированного в ч. 4 ст. 110.1 УК РФ, может выступать не только самоубийство потерпевшего, но и покушение на его совершение. Что необходимо понимать под таким покушением? Всякая ли попытка совершения самоубийства имеет в этом случае уголовно-правовое значение?

Проведение аналогии с понятием «покушение на преступление», содержащимся в ч. 3 ст. 30 УК РФ, позволяет сделать вывод, что покушением на самоубийство может признаваться лишь та попытка его совершения, которая была прервана по не зависящим от суицидента обстоятельствам. Проще говоря, при покушении на самоубийство лицо должно действительно пытаться лишить себя жизни. Если же происходит инсценировка самоубийства и суицидент не преследует цели причинить себе смерть, покушение

¹⁷ См., например: апелляционное постановление Оренбургского областного суда от 12.08.2019 по делу № 22-2130/2019 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SvDMzxwCVOJX> (дата обращения: 23.06.2020).

¹⁸ Определение Верховного Суда РФ от 13.01.2020 по делу № 57-КГ19-7 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Судебная практика РСФСР. 1927. № 10. С. 21.

на самоубийство отсутствует, как и состав преступления, предусмотренный ч. 4 ст. 110.1 УК РФ.

Надо сказать, что в литературе обращается внимание на некорректность употребления при описании общественно опасных последствий термина «покушение» по отношению к деянию, не являющемуся преступным, — самоубийству. Авторы отмечают, что использование этого термина ошибочно ассоциирует самоубийство с самостоятельным уголовно-наказуемым деянием, нарушает логический закон тождества, и предлагают в связи с этим заменить его понятием «попытка»²⁰. Действительно, выражение «попытка самоубийства» является более привычным для нашего слуха, что обуславливает распространенность его употребления в качестве синонима «покушения на самоубийство», в том числе и в настоящей статье. Однако «попытка самоубийства», как мы выяснили, может предприниматься не только с целью лишения себя жизни, но и для искусственного создания видимости совершения суицида. Таким образом, законодательное замещение одного понятия другим чревато появлением возможности расширительного толкования уголовно-правового запрета и, как следствие, существенным искажением его смысла.

8. Помимо очевидных признаков склонения к самоубийству, закрепленных в диспозиции ч. 1 ст. 110.1 УК РФ, совершение данного преступления предполагает преследование виновным специальной цели — самоубийства потерпевшего. О наличии такой цели в составах «склонения к чему-либо» свидетельствует лексическое значение глагола «склонить», а также теория и практика квалификации подстрекательства к преступлению.

Если же допустить, что склонение к самоубийству может совершаться без упомянутого субъективного признака, преступным следовало бы признавать такие распространенные бытовые выражения, как «ну иди повесься, что теперь поделать», или интернет-сленг, например «автор, выпей яду». Подобный подход, безусловно, означал бы объективное вменение. Повторимся, что для признания «нерезультативного» склонения к совершению самоубийства оконченным преступлением требуется лишь совершение деяния, поскольку состав преступления сконструирован по типу формального.

Другим неочевидным признаком склонения к самоубийству, а равно содействия его со-

вершению, является адресность воздействия на потерпевшего. Названные характеристики в совокупности помогают отграничить анализируемые деяния от призывов к совершению самоубийства и распространения информации о способах совершения самоубийства, к которым можно отнести, например: выражение положительной оценки либо одобрение факта совершения самоубийства; осуждение или высмеивание неудавшейся попытки самоубийства; наличие любого объявления, в том числе о знакомстве, с целью совершения самоубийства; наличие опроса, теста, рейтинга на предмет выбора самоубийства как способа решения проблемы; описание процессов, изображающих любую последовательность действий и возможных результатов самоубийства и др.

Сегодня совершение указанных деяний, если их адресатом выступает индивидуально не определенный круг лиц, не влечет наступления уголовной ответственности. Однако в случае осуществления организации такой деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, содеянное образует состав преступления, предусмотренный ст. 110.2 УК РФ.

В завершение считаем необходимым предложить собственную модель реформирования уголовно-правовой нормы о склонении к самоубийству и содействии его совершению, способную, как нам представляется, разрешить большинство обозначенных в настоящей статье технико-юридических просчетов, прямо нарушающих принципы дифференциации уголовной ответственности и научно обоснованные правила квалификации. В основе изменений лежит идея ухода от регламентации в одной статье уголовного закона нескольких самостоятельных составов преступлений, а также отказ от специальной дифференциации ответственности за совершение «нерезультативных» деяний. В этой связи предлагается исключить из ст. 110.1 УК РФ формальные составы преступлений (ч. 1–3), изложив ее в следующем виде:

«Статья 110.1. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства

1. Склонение к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом, а также содействие совершению самоубийства советами, указани-

²⁰ Рыжов Э. В. Обоснованность использования в уголовном праве термина «покушение на самоубийство» // Российский следователь. 2018. № 6. С. 29 ; Филиппова С. В. Указ. соч. С. 123.

ями, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий к его совершению или обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства, повлекшие самоубийство или покушение на самоубийство, —

— наказываются ограничением свободы на срок от двух до четырех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до шести лет или без такового, либо лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до шести лет или без такового.

2. Те же деяния, совершенные:

- а) в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного;
- б) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;
- в) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

г) в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), —

— наказываются лишением свободы на срок от шести до двенадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до семи лет или без такового.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные в отношении двух или более лиц, —

— наказываются лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет».

Принятие такой редакции ст. 110.1 УК РФ устранил искусственную совокупность объективно и субъективно взаимосвязанных действий по склонению к самоубийству и содействию его совершению, а также сопутствующие проблемы квалификации этих деяний. Кроме того, появится возможность квалифицировать случаи «нерезультативного» склонения к самоубийству и содействия его совершению по общей норме о покушении на преступление и назначать справедливое наказание с учетом положений ч. 3 ст. 66 УК РФ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авешникова А. А. Об уголовной ответственности за склонение несовершеннолетних к самоубийству // Российский следователь. — 2019. — № 1. — С. 33–37.
2. Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. — Екатеринбург, 1999. — 204 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Университет прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. О. С. Капинус ; науч. ред. В. В. Меркурьев. — М., 2018. — 1376 с.
4. Круковский В. Е., Мосечкин И. Н. Уголовно-правовые проблемы противодействия деятельности, направленной на побуждение к совершению убийств и самоубийств // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2018. — № 4. — С. 196–215.
5. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2001. — 301 с.
6. Ображиев К. В., Чикин Д. С. Сложные единичные преступления. — М., 2016. — 179 с.
7. Пудовочкин Ю. Е. Учение о составе преступления. — М., 2009. — 247 с.
8. Радов В. В. Причинная связь при бездействии в ятрогенных преступлениях // Вопросы российской юстиции. — 2020. — № 5. — С. 515–526.
9. Рыжов Э. В. Обоснованность использования в уголовном праве термина «покушение на самоубийство» // Российский следователь. — 2018. — № 6. — С. 27–29.
10. Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности. — М., 2003. — 480 с.
11. Устинова Т. Д. Склонение к самоубийству или содействие самоубийству: критический анализ // Lex russica. — 2020. — № 3. — С. 33–37.

12. Филиппова С. В. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2020. — 209 с.
13. Шеслер А. В. Перспективы совершенствования уголовно-правовых норм о соучастии в преступлении // *Lex russica*. — 2015. — № 6. — С. 30–38.

Материал поступил в редакцию 3 июля 2020 г.

REFERENCES

1. Aveshnikova AA. Ob ugovnoy otvetstvennosti za sklonenie nesovershennoletnikh k samoubiystvu [On criminal liability for inducing minors to suicide]. *Rossiyskiy sledovatel [Russian Investigator]*. 2019;1:33-37. (In Russ.)
2. Kovalev MI. Souchastie v prestuplenii [Complicity in a crime]. Yekaterinburg; 1999. (In Russ.)
3. Kapinus OS, Merkurev VV, editors. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii [Comment to the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow: Universitet prokuratury Rossiyskoy Federatsii; 2018. (In Russ.)
4. Krukovskiy VE, Mosechkin IN. Ugolovno-pravovye problemy protivodeystviya deyatel'nosti, napravlennoy na pobuzhdenie k soversheniyu ubiystv i samoubiystv [Criminal-legal problems of countering activities aimed at encouraging the Commission of murders and suicide]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. 2018;4:196-215. (In Russ.)
5. Kudryavtsev VN. Obshchaya teoriya kvalifikatsii prestupleniy [General theory of crime classification]. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow; 2001. (In Russ.)
6. Obrazhiev KV, Chikin DS. Slozhnye edinichnye prestupleniya [Complex individual crimes]. Moscow; 2016. (In Russ.)
7. Pudovochkin YuE. Uchenie o sostave prestupleniya [The Doctrine of Component Elements of a Crime]. Moscow; 2009. (In Russ.)
8. Padov VV. Prichinnaya svyaz pri bezdeystvii v yatrogennykh prestupleniyakh [Causality in omission of an act in iatrogenic crimes]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii*. 2020;5:515-526. (In Russ.)
9. Ryzhov EV. Obosnovannost ispolzovaniya v ugovnom prave termina «pokushenie na samoubiystvo» [Validity of the use of the term "attempted suicide" in criminal law]. *Rossiyskiy sledovatel [Russian Investigator]*. 2018;6:27-29. (In Russ.)
17. Ter-Akopov AA. Prestuplenie i problemy nefizicheskoy prichinnosti [Crime and problems of non-physical causation]. Moscow; 2003. (In Russ.)
11. Ustinova TD. Sklonenie k samoubiystvu ili sodeystvie samoubiystvu: kriticheskiy analiz [Encouragement to Commit Suicide or Assisting with Suicide: Critical Analysis]. *Lex russica*. 2020;3:33-37. (In Russ.)
12. Filippova SV. Sklonenie k soversheniyu samoubiystva ili sodeystvie soversheniyu samoubiystva: ugovno-pravovaya kharakteristika i problemy kvalifikatsii: dis. ... kand. yurid. nauk [Inducement to commit suicide or assistance to commit suicide: Criminal law characteristics and problems of classification. Cand. Sci. (Law)]. Moscow; 2020. (In Russ.)
13. Shesler AV. Perspektivy sovershenstvovaniya ugovno-pravovykh norm o souchastii v prestuplenii [Prospects for improving criminal law norms on complicity in crime]. *Lex russica*. 2015;6:30-38. (In Russ.)